

Д. А. РАДЧЕНКО
(Москва)

«ХОДЯТ СТРАШНЫЕ СЛУХИ...»: СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИНФОРМАЦИЕЙ В СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются способы взаимодействия с потенциально травмирующей информацией в рамках сетевого пространства, в том числе, процессы слухопорождения, жизненного цикла и распространения слухов. На ряде примеров в статье показаны особенности развития слуха в зависимости от его тематики, а также роль слухов для формирования сообществ и групповой коммуникации в Интернете.

Ключевые слова: Интернет, интернет-фольклор, слух, коммуникация, трансмиссия.

Скорость и интенсивность информационных потоков сетевого пространства приводит к тому, что последнее становится одной из важных площадок неформальной коммуникации, в том числе — обмена слухами. Не останавливаясь подробно на специфике «устно-письменной» коммуникации в Интернете, рассмотренной в целом ряде работ по данной проблематике (см., напр. [Рукомойникова 2007; Радченко 2006; Лутовинова 2008; Панченко 2009]), следует отметить, что в этих условиях жизнедеятельность слуха несколько изменяется. Слух — явление преимущественно устной культуры, характерное для межличностной коммуникации внутри более или менее гомогенной группы рассказчиков и слушателей; в Интернете он приобретает новые масштабы распространения и сроки жизни. Транслируемый в сети, слух может достигнуть значительного числа реципиентов и, что еще важнее, остается доступен в течение длительного времени после того, как содержащаяся в нем информация утрачивает актуальность [Bordia, Dofonzo 2004, 35].

Даже при беглом знакомстве с общими чертами, активно циркулирующими в интернет-пространстве, бросается в

глаза дифференцированность их содержания. Информация, содержащаяся в них, может быть связана как с вне-сетевой, «реальной» жизнью, так и с взаимоотношениями внутри сетевого сообщества и явлениями, присущими исключительно этой среде. Наиболее часто активное обсуждение возникает на основе сообщений трех типов: связанных исключительно с сетевой реальностью (1), связанных с «реальными» явлениями, но распространяемых исключительно в Сети (2), гибридных (3).

Тип 1. К первой категории относятся, в частности, сообщения, связанные со значимой для Сети практикой выявления истинного автора некоторого сетевого текста (часто — автора блога), с теми или иными целями скрывающегося под маской сконструированного персонажа — «виртуала». Дискуссии на эту тему и передача информации может продолжаться от нескольких дней до нескольких лет — в зависимости от того, насколько автору удастся удерживать внимание аудитории и сохранить интригу, — причем в распространение информации может быть вовлечено значительное число людей.

В качестве примера интересно рассмотреть комплекс сообщений, связанных с авторством блога pink-birkin.livejournal.com, который существовал на протяжении трех месяцев (с августа по октябрь 2009 г.). В первый же месяц он собрал более тысячи постоянных читателей (к концу его существования их число превысило три тысячи) и стал предметом массового обсуждения в блогосфере (почти четыреста ссылок за этот период). Блог велся от лица девушки из «высшего общества», отличающейся крайним снобизмом и одновременно — крайней наивностью в отношении повседневных реалий.

Основанием для активизации обсуждения стал вопрос о реальности существования такого персонажа и, в случае его сконструированности, об авторе, стоящем за проектом, и его целях. При этом наличие правильной версии, впоследствии подтвержденной, не послужило препятствием к распространению толков на данную тему — вопрос об авторстве блога pink-birkin.livejournal.com продолжает муссироваться по на-

стоящее время (сентябрь 2010 г.). Для нашего исследования вопрос реального авторства также не принципиален: как справедливо замечает К. Хайн, «задача этнографа не в том, чтобы ввести некоторый внешний критерий для оценки достоверности высказываний информантов, а в том, чтобы понять, как сами информанты оценивают достоверность» [Hine 2000, 49].

Интерес в этой ситуации представляет способ обращения реципиентов и ретрансляторов с потенциально недостоверной информацией. Несмотря на то, что одним из ключевых способов передачи информации в Сети является простое копирование, к которому в ситуации трансляции фольклорного текста сводится до 70% всех фактов передачи, в рассматриваемом случае буквальный копипейст фиксируется лишь в 4–5% случаев. Участники коммуникации не просто транслируют сообщение — они модифицируют его и подвергают анализу предложенную предыдущими «рассказчиками» аргументацию. В качестве ключевых критериев достоверности информации выступают: «документальные» факты (фотографии, свидетельства «очевидцев», данные поисковых машин), жизненный опыт коммуникантов (хотя контекст события далек от повседневного опыта большинства участников дискуссии, что характерно для жанра слуха в целом) [Дубин 2001], анализ стиля и качества письма.

Традиционно отмечается, что для слуха как текста характерна насыщенность ксенопоказателями (указателями на использование чужой речи), отсылками к анонимному или массовому авторитету, свидетельствам третьих лиц [Левкиевская 2009]. В рассматриваемой ситуации такие формы присутствуют не более чем в 10% сообщений. Для «внутри сетевого» обмена информацией характерна скорее апелляция к собственному мнению («я думаю», «абсолютно уверена», «мне кажется»), аффирмативные высказывания («по всему выходит», «несомненно»).

Отметим, что даже в случае копипейста текст не оснащается ксенопоказателями, а выдается за прямую речь, собственное мнение ретранслятора.

170 Такое речевое поведение участников

сетевого взаимодействия связано со стремлением установить достоверность информации, выдвинуть наиболее правильную версию происходящего. Эта потребность возникает в результате столкновения в сетевой культуре двух парадигм: с одной стороны, Сеть представляет собой пространство анонимности, допускающее любую игру как с собственной идентичностью, так и с информацией; в этом смысле любая информация, распространяемая в Сети, принципиально непроверяема и с высокой вероятностью недостоверна. С другой стороны, концепция Web2.0 предполагает и реализует активное участие коммуникантов в формировании сетевого пространства и насыщении его информацией. Благодаря сочетанию этих двух факторов Сеть становится идеальной питательной средой для слухов — но одновременно и провоцирует коммуникантов на постоянную проверку достоверности информации. Кроме того, в массовом сознании существует представление о намеренном распространении слухов с целью воздействия на общественное сознание, манипуляции массами. В результате при столкновении с неоднозначной информацией сообщество делает попытку установить, с какой целью сообщение было брошено в сетевое пространство, какие силы за ним стоят, с целью защитить себя от возможной манипуляции.

Тип 2. Еще более ярко это стремление к проверке информации проявляется в случае, когда информация, распространяемая исключительно сетевыми методами, связана с некоторой внесетевой реальностью. Если в предыдущем примере вопрос, при всей своей актуальности и провокационности, касался, строго говоря, игровой проблематики, лишь косвенно актуализируя проблемы коммуникантов, связанные с проблемами социального неравенства, то сообщение, связанное с повседневностью коммуникантов, может иметь некоторые реальные последствия и потому подвергается более пристальному анализу.

Так, 23.01.2009 в частном блоге было размещено сообщение о том, что его автор, молодая девушка, оказалась

свидетелем серьезной аварии на шоссе под Воронежем, оказала помощь ряду пострадавших и в процессе столкнулась с халатностью и коррумпированностью врачей¹ (Здесь и далее см. Список источников). Первые комментарии к сообщению содержат позитивную реакцию, но спустя несколько дней в сеть было выложено опровержение, где было указано, что обращение к официальным инстанциям не подтвердило реальность событий, а автор изначального сообщения искажает действительность². Характерно, что ссылок на критический пост примерно в два раза больше, чем на изначальный.

Как и в предыдущем случае, в попытке доказать истинность или ложность сообщения участники коммуникации предпринимают поиск документальных свидетельств и данных официальных лиц и организаций, ссылаются на личный и профессиональный опыт в аналогичных ситуациях, проводят «квази-психологический» анализ, основанный на распространенных стереотипах, а также апеллируют к внерациональным аргументам, в основном связанным с личным отношением к автору первоначального сообщения. Эту аргументацию характеризует постоянное использование личных местоимений, указание на непосредственное участие автора комментария в ситуации, собственный опыт и т. д. Ксенопоказатели в текстах, как и в предыдущем случае, встречаются достаточно редко.

Представляется, что для участников коммуникации оказывается значимой установка републикаторов сообщения брать на себя личную ответственность за предлагаемую ими информацию. Однако декларируемый скепсис по отношению к информации и стремление установить ее достоверность в ситуации сетевой коммуникации не отменяет того факта, что ее участники фактически являются распространителями слуха. Как справедливо отмечает Я. Фернбек [Fernback 2003, 34], мотивация распространителей слуха может быть различной: от искренней веры в истинность сообщения до стремления развлечь окружающих, подтвердить собственный взгляд на жизнь, проиллюстрировать свой скепсис и т. п.

Здесь следует отметить, что одной из характерных особенностей блогосферы является представление о том, что распространение информации («перепост») является минимальной формой социального участия, одобряемой и поддерживаемой сетевым сообществом. Считается, что такое действие, при условии повторения его достаточным количеством коммуникантов, достаточно для того, чтобы запись попала в списки наиболее популярных и, таким образом, привлекла внимание властей, журналистов, благотворителей и других лиц, способных, в свою очередь, оказать реальное влияние на обсуждаемую ситуацию. В результате распространитель слуха мотивирован также и гипотетической возможностью воздействовать на окружающий мир без каких бы то ни было усилий, а перепост оказывается одним из механизмов, связывающих в сознании участников коммуникации «виртуальный» мир с «реальным».

В рассматриваемом случае выделяются две ключевые причины активной работы сообщества с информацией. Во-первых, это уже рассмотренная выше заинтересованность в поддержании устойчивости блогосферы как социальной среды. Во-вторых — наличие острой общесоциальной проблематики взаимодействия частных лиц с официальной медициной. Последняя заключается в себе целый ряд моментов, делающих ее благодатной основой для возникновения слухов: противоречие между декларируемыми задачами структуры по оказанию помощи и исходящей от этой же структуры угрозы, подверженность этой угрозе любого члена сообщества в течение длительного времени — причем угроза возникает в состоянии максимальной беспомощности индивида. Речь идет, таким образом, о внутренней угрозе, являющейся одной из самых невротизирующих и создающих ситуацию неуверенности в обществе, которое реагирует на нее, в том числе, путем создания и осмысления слухов.

Тип 3. Принципиально иначе развивается ситуация, когда слух возникает и/или активно развивается вне сети, связан с внесетевой проблематикой, но при этом в какой-то момент попадает в сетевое пространство и активно

распространяется в нем. Как отмечает В. В. Латынов, ключевые предпосылки к формированию и распространению слухов — это нехватка информации (неопределенность), значимость темы, уровень тревожности в сообществе [Латынов 2005].

Примером ситуации, связанной с нарастанием тревожности как основы для активного порождения слухов, могут служить слухи о легочной чуме, распространившиеся на территории СНГ осенью 2009 г. на базе активных обсуждений эпидемии «свиного» гриппа. Слух о легочной чуме появился как реакция на несколько оторванные от него по времени сообщения о легочной чуме в Китае (зафиксированы в блогосфере с 27.07.2009 по 17.08.2009). В этот период сообщения о данном заболевании впервые появились в информационном пространстве блогосферы и подготовили следующий этап. Осенью 2009 г. обсуждение вопроса «свиного» гриппа в блогосфере достигло максимума: к сентябрю число сообщений достигло почти двух тысяч в месяц, нарастая затем с каждым месяцем в полтора раза (в начале ноября — свыше десяти тысяч сообщений за недельный период). На фоне этой напряженности и информационного голода сетевое сообщество легко подхватывает и принимает слух о легочной чуме. Впервые слух фиксируется 29.09.2009 в отношении западной Украины (Львов, Тернополь). С 25.11.2009 слух впервые упоминает Липецк, вяло развивается в течение первых двух недель и продолжает муссироваться до середины декабря того же года. 2.12.2009 возникает взрывообразный всплеск сообщений о чуме в Саратове (75 упоминаний в блогах в первый день, 191 сообщение за последующие два дня, далее — резкий спад в связи с сообщениями о ложности содержащейся в слухе информации). Описанные четыре этапа распространения слуха («китайский», «украинский», «липецкий» и «саратовский») соответствуют резким периодическим всплескам обсуждения «свиного» гриппа, причем последние начинают развиваться примерно на неделю раньше обсуждений чумы, давая тем самым слуху почву и толчок к развитию, а окончание этих всплесков примерно совпадает

с завершением активного периода жизнедеятельности слуха.

Итак, слух о чуме в СНГ можно описать как ряд связанных между собой волн: первую и самую значимую волну как по продолжительности, так и по количеству откликов формирует «украинский» слух (2098 сообщений за активный период); затем возникает маломощная «связующая» волна — «липецкая» (48 сообщений), плавно переросшая в «саратовскую» (986 сообщений). Все три волны поддерживают друг друга: републикаторы слуха активно ссылаются на информацию и коммуникативный опыт, полученный или засвидетельствованный ими в ходе предыдущих волн.

Именно третья — «саратовская» — волна представляется наиболее интересной, прежде всего из-за размытости ее происхождения и взрывного характера активности. Если «украинская» относительно плавно развивается на основе сообщений СМИ, то «саратовская» волна дает видимость независимого возникновения и при этом имеет целый ряд реальных последствий.

Распространение «саратовского» слуха в блогосфере начинается с упоминаний о том, что в Саратове зафиксирована легочная чума. В отношении информации о течении заболевания и его последствиях этот слух практически полностью дублирует «липецкий» вариант, и оба ссылаются на сообщения как «украинской», так и более ранней «китайской» волны: согласно слуху, вирус обладает высокой контагиозностью, причем в течение нескольких дней зараженный умирает от распада дыхательных органов. Таким образом, слух сочетается в себе мотив внутригрупповой угрозы, беззащитности перед угрозой, мотив «разложения/гниения при жизни». Не менее, чем в 10% сообщений фиксируется устойчивый сюжет о высоком уровне смертности и переполненности моргов. Если на эксплицитном уровне эти сообщения связаны с представлением о выраженности опасности, нарушении нормы, то на уровне имплицитном добавляется архаический страх перед неупокоенным мертвецом.

Эта совокупность мотивов усиливает действие слуха — в особенности

в описываемой ситуации, когда он накладывается, с одной стороны, на ситуацию продолжительного пребывания масс в страхе и неустойчивости, а с другой — на постепенное привыкание к ситуации угрозы, возникшее в результате длительного взаимодействия с информацией о «свином» гриппе. Для того чтобы слух распространился в условиях, когда угроза заболевания стала восприниматься массами практически как норма, ему потребовалась актуализация мощных мифологических пластов. Как справедливо отмечает Б. В. Дубин, «если иметь в виду слухи, то, говоря совсем коротко, их носители и передатчики реализуют в современном посттрадиционном или даже постмодерном обществе традиционалистские или неотрадиционные, домодерные отношения» [Дубин 2001, 71].

Далее, «саратовский» слух сообщает о планируемом введении карантина и массовой дезинфекции города путем распыления дезинфектанта в воздухе и через городскую водопроводную сеть. Сообщается, что дезинфектант опасен для здоровья, поэтому в слухе содержится рекомендация по мерам защиты. В этом отношении слух в значительной степени повторяет «украинскую» волну. Однако в отличие от нее, в саратовском слухе присутствует мотив скрывания властями данного мероприятия в целях предотвращения паники — мотив, который стал определяющим для этой волны.

Таким образом, вторая составляющая слуха также складывается из целой группы мотивов. Прежде всего, это сюжет о неконтролируемом индивидуальном и потенциально опасном массовом воздействии со стороны властей (воздействие осуществляется через воздух и воду, потребление которых неизбежно для всех). Затем подключается угроза ограничения свободы, невозможности не только противостоять этому воздействию, но и покинуть зону его применения (карантин, предложение о пребывании внутри помещения). Наконец, актуализируется мотив скрывания властями своих действий в отношении населения. Сумма этих факторов приводит к тому, что сообщение о дезинфекции, которое в иных условиях могло бы быть

воспринято как позитивное («излечение», «спасение») в данном случае вызывает больше тревоги, чем собственно эпидемия, которой эти действия якобы вызваны.

«Липецкая» волна, не содержащая информации о дезинфекции, оказалась не только менее заметной по числу сообщений, но и более критичной по отношению к слуху, в немалой степени из-за отсутствия в ней мотива «дезинфекции», но и в силу того, что Саратов несколькими годами ранее уже стал жертвой слуха о взрыве АЭС — и, таким образом, на описываемый период оказался более восприимчив к слухам об обезличенной, неконтролируемой и непреодолимой угрозе «из воздуха». Тем не менее, попытка поиска причин эпидемии присутствует в обеих волнах. Достаточно редко встречается концепция непреднамеренного, случайного заражения: техногенной катастрофы (авария на заводе, производящем биологически активные вещества) или попадания возбудителя болезни в город с какими-либо товарами. Несколько больший интерес у участников коммуникации вызывает идея об угрозе со стороны «чужого»: злонамеренном внедрении вируса некоторой силой с политическими целями (если для «украинской» волны в качестве мифологического «чужого» выступает Россия, то для «липецко-саратовской» — США). Техногенный мотив в саратовской волне проявляется крайне вяло, однако он подкрепляется параллельными слабыми слухами о взрыве ТЭЦ, потом о взрыве АЭС, взрыве завода по уничтожению химического оружия. Основным же мотивом становится слух о том, что легочная чума возникла в городе в результате нарушения целостности скотомогильника или старого чумного кладбища (последний вариант подкрепляется тем фактом, что несколько десятилетий назад в Саратове действительно были случаи чумы; кроме того, несколькими годами ранее в городе ходили аналогичные слухи о размытом кладбище): к этой версии склоняется около 8% высказавшихся на тему чумы:

В общем, ситуация следующая: в Липецке раскопали под строительство 173

*могильник, куда хоронили давно-давно погибших от лёгочной чумы. Вот и понеслась по городу зараза³**

Здесь мы видим также совокупность мифологических мотивов, коррелирующих с содержанием слуха, описанным выше: «угроза изнутри», «угроза/презрение жизнями людей со стороны власти» и мотив «неупокоенного мертвеца», в принципе достаточно характерный для слухов подобного рода.

В отличие от чисто сетевых слухов, рассмотренных выше, и даже от «реально-виртуального» слуха «липецкой» волны, «саратовская» волна характеризуется крайне низкой критичностью по отношению к слуху. Как отмечает Р. Росноу, «люди склонны к распространению слухов, которые они считают достоверными (даже если это абсолютно нелепые истории), хотя когда тревожность высока, сплетники менее склонны отслеживать логику или правдоподобие того, что они пересказывают другим» [Rosnow 2001]. Некоторый скепсис возникает только после окончания обозначенного в слухе периода действия угрозы и публикации официальных опровержений слуха, но и тогда он незначителен:

Только что связался со знакомым из Саратова, вместе учились в университете. Вот что он пишет в аське, привожу дословно: «Вчера говорили что в 9 часов будут над городом распылять какую-то х..ню, хотя я еще в 7 када с работы ехал, уже чем-то воняло. Потом по новостям сказали, что это все п..деж и никакой чумы в саратове нет и ничо не будут разбрызгивать. Я думаю что п..дят чтобы паники не было»⁴.

Мотив протеста, недоверия властям, таким образом, продолжает развиваться и вне ситуации непосредственной угрозы. Однако, как справедливо замечает Н. Рис, эта протестность во многом носит демонстративный характер [Рис 2005, 82]. В описываемой ситуации можно говорить скорее о пассивном сопротивлении действиям властей, избегании взаимодействия с ними. Исследование В. Н. Шубкина и В. А. Ивановой по-

казывает, что такая форма поведения достаточно типична для современного российского общества [Шубкин, Иванова 2004, 88].

Однако гораздо более важно, что даже при декларируемом скепсисе републикаторы подчеркивают свое двойственное отношение к слуху: они полагают, что под такой массовой паникой может быть реальное основание и, кроме того, в целях «подстраховки» не отменяют и возможной реальности эпидемии и дезинфекции. Приведем два крайне типичных высказывания (жирным шрифтом выделены характерные формулы «пассивного скепсиса»):

вся инфа про полив оказалась фуфлом, причем на уровне правительства! уже говорят прокуратура дело будет заводить на паникеров <...>форточку пока не буду открывать⁵;

Я не хочу наговаривать но я сам из Липецка и магу точно сказать что и как. Власти молчат это понятно кому бунт нужен, а зараза есть. <...>. А писать не надо что люди истерикой занимаются нету дыма без огня, а власти что власти кто будет за простой то народ а?⁶

Низкому уровню критичности в «саратовской» волне соответствует достаточно высокий для «сетевого» слуха уровень присутствия ксенопоказателей в текстах участников коммуникации:

Правда или нет, но вот что мне сказал знакомый из Саратова В саратове “ЧУМА” (свинной грипп). Введен карантин. Город закрыли. С 8 часов до утра на улицу не выходить. Будут над городом распылять химию. Окна все закрыть. Умерло 120 с лишним человек⁷;

Ходят страшные слухи — о том, что Саратов и Липецк закрыты, что там бушует легочная чума, что будут что-то распылять для дезинфекции (самое смешное, что в Липецке говорят то же самое про Тамбов)⁸.

Обычны также ссылки на два-три источника информации (максимальное количество источников — до пяти), призванные сообщить сказанному достоверность. При этом, однако, максимально многоступенчатая система ссы-

174 * Здесь и далее орфография и пунктуация источника.

лок может выражать также и скепсис републикатора слуха по отношению к содержащейся в нем информации. Републикатор демонстративно соблюдает традиционные жанровые характеристики слуха для того, чтобы подчеркнуть, что сообщение является именно «слухом» и его надлежит воспринимать как таковой:

Вечером позвонила мама. « — Ради Бога, берегитесь, у соседкиной дочери есть знакомая-медик, у которой кто-то работает в морге...»⁹;

<получила> звонок бабушки, которой позвонила сестра деда, которой сказали на работе, что по телевизору и радио передали, что будут обрабатывать город¹⁰.

Имеются также отсылки к общему знанию/поведению. В связи с подобными фактами в текстах «писем счастья» Т. Бланк предполагает, что «авторитетность и анонимность автора внушает читателю ложное чувство обоснованности содержания сообщения» [Blank 2007, 37] (см. также [Cortazar Rodriguez 2004]). Вероятно, причиной ссылки на общее знание скорее является тот факт, что оно интерпретируется участниками коммуникации как «очевидное»; информация, которой доверяет множество людей, воспринимается как достоверная.

ВСЕ говорят (по аське, телефону и тд), что в Саратове эпидемия лёгочной чумы¹¹.

Следует, впрочем, отметить, что наиболее панические (возможно, сознательно созданные для провокации паники) сообщения характеризуются полным отсутствием ссылок на какие бы то ни было источники. Например:

По Саратову ходит эпидемия лёгочной чумы, аптеки пустые, правительство делать ничё не будет, морги перебиты..... стараться исключить контакты¹².

Интересно, что значительная часть републикаторов слуха ссылается на получение информации из некоторого персонифицированного источника, обычно лично знакомого и близкого републикатору (родственника или знакомого) путем прямой, чаще устной коммуникации. Так, ссылки на СМИ

присутствуют в 5% сообщений; ссылки на сетевые источники, в том числе интернет-СМИ и блогосферу — в 8%; межличностная же коммуникация (непосредственная, телефонная, в редких случаях — с помощью мессенджеров) — в 30% от всех сообщений. Ссылки на авторитет врачей присутствуют в 12% случаев, при этом более половины упоминаемых в текстах медиков представлены как личные знакомые републикаторов или знакомые их непосредственных информаторов.

Таким образом, в описываемой ситуации устная межличностная коммуникация (особенно с участием авторитетного лица) представляется републикаторам слуха источником наиболее достоверной информации — следовательно, и отсылки на нее повышают достоверность слуха для адресатов сообщения. Можно предположить, что данные интернет-сообщений в ситуации прямой и непосредственной угрозы многими участниками коммуникации представляются недостаточно надежными. В этих условиях сетевые слухи не функционируют самостоятельно, а дублируют устные и подкрепляют веру в них за счет того, что люди привыкли обращаться в Сеть за неофициальной информацией, которую они воспринимают как менее ангажированную.

Наконец, публикуются личные наблюдения участников коммуникации или наблюдения их информаторов, также призванные подтвердить истинность сообщения:

На город сбросили хим.препараты, а вода из крана течет как молочная(воду берут из Волги), с какими-то примесями¹³;

Только что говорил с братом. Говорит — скорые одна за другой ездят, сирены по городу постоянно слышны... Паника конкретная!¹⁴

Вес, приданный републикаторами «саратовскому» слуху, оказался настолько велик, что он вызвал к жизни целый ряд реальных последствий, которые способствовали росту нервозности и явились дополнительными подтверждениями достоверности слуха. Можно сказать, что на этом этапе слух вступил в самоподтверждающую фазу: послед-

ствия, генерируемые слухом, стали в массовом сознании доказательствами истинности слуха, а вызванное этим подтверждением поведение людей еще более усиливало эти последствия.

Паника пошла на убыль на следующий день, после официального опровержения властями и СМИ информации о легочной чуме и дезинфекции. Однако в течение нескольких дней после острого периода продолжалось обсуждение слуха и критический разбор официального обвинения, предъявленного блоггеру Ивану Перегородиеву за публикацию материала, якобы послужившего толчком к возникновению слуха. На этом этапе интерес к слуху поддерживался обсуждением «вспомогательного» слуха о блоггере — инициаторе слуха.

Ключевое значение приобретает вопрос о возможности влияния блогосферы на «реальную» жизнь и массовое сознание. Участники коммуникации в принципе допускают возможность такого влияния:

я думаю вы уже в курсе что это был интернетский прикол но что у нас творилось с 8 часов город вымер ждали дуста с неба¹⁵.

Вопрос о происхождении слуха при этом остается открытым; однако его обсуждение удлиняет жизненный цикл слуха, и, вместо полного исчезновения из информационного пространства, он все еще продолжает обсуждаться спустя несколько месяцев после события.

В период деактуализации слуха фиксируется также и ироническая реакция. Немедленно после паники возникают сообщения о продаже футболок с надписью «Я пережил дезинфекцию 2.12.2009»¹⁶. Кроме панических СМС рассылаются их смеховые варианты, также распространяемые по ICQ и социальным сетям:

Срочно сообщение всем жителям Саратова и поклонникам массового психоза. с 19:00 начнет действовать Вирус Т много зомбированных существ полезут со стороны Балаковского АЭС. Немедленно закрыть все двери и окна. При себе иметь дробовик и пистолет¹⁷.

176 Следует, однако, отметить, что такая реакция достаточно слаба даже по

сравнению с параллельным возникновением фольклорных текстов на основе обсуждения «свиного» гриппа, и в основном либо не получает отклика со стороны других участников сетевой коммуникации, либо оказывается предметом негативной реакции — ситуация достаточно характерная для катастрофических событий. В обширной статье, посвященной фольклорному осмыслению событий 11.09.2001, В. Эллис замечает, что на ранней стадии переживания трагедии (в течение первых семи дней) попытки юмористической реакции не только не играют присущей им терапевтической роли, но отторгаются большинством участников коммуникации, нередко весьма агрессивно [Ellis 2002]. Несмотря на то, что трагедии как таковой в Саратове не произошло, слух оказался достаточно травматогенным, чтобы отразиться не только на поведении реципиентов непосредственно в течение периода своей актуальности, но и на их психологическом состоянии впоследствии.

Любопытно, что в иронических высказываниях, как скептических, так и маскирующих реальную тревогу и распространяющих слух, чаще всего встречается два мотива, которые за последние несколько лет стали доминирующими в фольклорном дискурсе катастроф, будь то эпидемия, лесные пожары 2010 г., техногенная авария: это сюжет «город из фильма ужасов» (обычно фигурируют такие фильмы, как «Сайлент Хилл», «Обитель зла») и сюжет «зомби в городе»:

Отправь смс со словами «лёгочная чума» десятерым знакомым зомби и твой город закроют на карантин!¹⁸

Фактически ирония также актуализирует мифологические мотивы «неотвратимой угрозы», «угрозы изнутри» и «угрозы от неуспокоенного мертвеца».

Некоторые обобщения

Мы рассмотрели три случая возникновения слухов, связанных с различными типами циркуляции информации в Интернете. Это слухи об авторстве блога pink-birkin (пример 1), слухи о ДТП под Воронежем (пример 2) и слухи о

легочной чуме (пример 3). В узкие рамки статьи не вошло рассмотрение многочисленных сходных ситуаций — очаги распространения слухов возникают в Сети очень часто. На основании имеющегося материала укажем некоторые выявленные нами закономерности распространения слухов в Интернете.

Жизненный цикл слухов в общих чертах одинаков как в традиционной устной, так и в сетевой коммуникации. И там, и там на начальной стадии слухи распространяются взрывообразно, затем после пика сообщений интерес к ним быстро спадает, хотя при наличии «дополнительных» слухов, связанных с «основными», может формироваться следующая волна, позволяющая слуху еще некоторое время оставаться в активном обращении. Различие только в том, что сетевой слух после завершения периода его актуальности сохраняется в «архивном» режиме, благодаря чему может стать питательной средой для возникновения нового слуха и даже обоснованием его достоверности.

При распространении слуха в сетевой коммуникации физическое пространство перестает быть ограничителем; на первое место здесь выдвигаются критерии социокультурной принадлежности: включенность в определенную социальную группу, языковое пространство, вовлеченность в определенную социальную проблематику. К распространению слуха подключаются люди, живущие на любых территориях при условии того, что они имеют выход в Интернет и оказываются заинтересованы в информации, содержащейся в слухе. При отсутствии ограничения по физическому пространству очаги возникновения слухов легко перемещаются из региона в регион, как в случае с легочной чумой произошло перемещение слуха по линии «Западная Украина — Липецк — Саратов» (пример 3).

Корректируя сказанное в предыдущем абзаце, отметим, что хотя слухи и циркулируют в группах, составленных на основе социокультурной принадлежности, но обусловленный этим «тематический герметизм» [Загидуллина 2009] нельзя абсолютизировать. «Узконаправленные» слухи не герметич-

ны, они легко выходят за рамки узкой группы, если связаны с общественно значимой проблематикой. Так, «узконаправленные» слухи об авторстве блога pink-birkin (пример 1) получили широкое распространение благодаря тому, что образ этой виртуальной личности накладывался на значимые для многих социальные и гендерные установки. В случае аварии под Воронежем (пример 2) «узконаправленная» информация получила распространение благодаря распространённому страху столкновения с медицинской халатностью.

Многие пользователи Интернета считают, что распространяемая информация, они могут повлиять на ход событий в реальности. Это касается данных, которые нуждаются в обнаружении и привлечении широкого внимания (часто эти данные противоречат официальной точке зрения); они воспринимаются передающими информацию как достоверные. В рассмотренных нами примерах данный механизм наиболее заметен в случае с легочной чумой (пример 3) — многие пользователи распространяют слух об эпидемии с целью предупредить население об опасности (чего якобы не делают власти). Как отмечает ряд исследователей, за последние годы в культуре сложился «комплекс зрителя», подразумевающий восприятие информации одновременно приобщенно и дистанцированно (см., напр., [Астафьев 2004, 205; Дубин 2000, 56]). Благодаря вовлеченности в насыщенные информационные потоки (один из которых создается сетевой средой) реципиент, с одной стороны, «проживает» не относящиеся к нему напрямую события, а с другой — ощущает свою отстраненность, неучастие в них. Представляется возможным предположить, что концепт «минимального участия» в актуальных событиях путем републикации информации (вне зависимости от ее достоверности) является одним из первых признаков преодоления этой ситуации.

При анализе «узконаправленных» слухов, связанных с виртуальной средой, коммуниканты нацелены на рационализацию этой среды. Они настроены по отношению к «сетевым» сообще-

ниям довольно критично (для анализа часто привлекается значительное число документальных и официальных свидетельств, поиск которых облегчает специфика сетевого пространства; характерна также заинтересованность в установлении причин возникновения слуха). Для сетевого сообщества заметен интерес к авторству нашумевших сообщений — несмотря на декларируемую Интернетом анонимность, проблема поиска автора выходит на первое место в примерах 1 и 2, а в примере 3 затрагивается тоже, но косвенно. Установление достоверности информации становится для коммуникантов одним из ключевых вопросов. При том, что сетевая реальность нередко воспринимается коммуникантами как игровая (чему сопутствует соответствующее отношение к «внутрисетевым» проблемам), стабилизация этого пространства является частью этой «игры» и становится вполне серьезно воспринимаемой целью взаимодействия.

Уровень тревожности по отношению к слуху тем выше, чем больше он связан с повседневностью коммуникантов. При этом особенно активно распространяются слухи, затрагивающие базовые потребности людей, связанные с безопасностью и жизнеобеспечением. В рассмотренных примерах тревожность стимулируется страхом остаться без экстренной врачебной помощи (пример 2) и неконтролируемой опасностью заражения (пример 3). При переходе от узконаправленных сетевых слухов (пример 1) к слухам, отражающим реальную угрозу жизни и здоровью (пример 3), наблюдается изменение подачи материала: при обсуждении сетевых слухов предпочитают говорить от первого лица, ссылаясь на собственный опыт, при слухах о внешней угрозе появляются ссылки на авторитетных третьих лиц — профессионалов и очевидцев, снижается стремление к демонстрации собственного мнения.

Также можно отметить, что в результате распространения слухов складываются «терапевтические сообщества», способствующие адаптации к условиям катастрофного и посткатастрофного развития [Иванова, Астафьев 2004,

11]. В сетевом пространстве, где значенные пространственно-временные ограничения для коммуникации и формирования групп снижены по сравнению с пространством «реальной» коммуникации, «терапевтические сообщества» формируются особенно эффективно, как заново, так и на базе уже имеющихся площадок (форумов, блогов и проч.). Индивиды, вовлеченные в обсуждение слуха в сети (прежде всего это касается пугающих слухов), объединяются в группы, аналогичные «реальным», и проходят последовательные стадии группообразования, характерные для последних [Bordia, Rosnow 1995; Bordia et al 1999, 24].

Литература

Астафьев 2004 — *Астафьев Я. У.* Катастрофическое сознание и массовые коммуникации // Страхи и тревоги россиян. СПб., 2004. С. 170—210.

Дубин 2000 — *Дубин Б. В.* От инициативных групп к анонимным медиа: массовые коммуникации в российском обществе // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 4. С. 31—60.

Дубин 2001 — *Дубин Б. В.* Речь, слух, рассказ: трансформация устного в современной культуре // Дубин Б. В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001. С. 70—81.

Загидуллина 2009 — *Загидуллина М. В.* Мифотворческая функция слухов в рамках фольклета: к вопросу о расширении классической теории фольклора // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 37.

Иванова, Астафьева 2004 — *Иванова В. А., Астафьев Я. У.* Введение // Страхи и тревоги россиян. СПб., 2004. С. 7—22.

Латынов 2005 — *Латынов В. В.* Слухи: социальные функции и условия появления // Вестник истории, литературы, искусства. Отделение историко-филологических наук РАН. М., 2005. С. 362—378.

Левкиевская 2009 — *Левкиевская Е. Е.* Слухи как речевой жанр [Электронный ресурс]. М., 2009. http://www.ruthenia.ru/folklore/ls09_program_levkievskaya.htm

Лутовинова 2008 — *Лутовинова О. В.* Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 11 (71). Общественные и гуманитарные науки (фи-

лософия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология). С. 58—65.

Панченко 2009 — *Панченко А. А.* Интернет и фольклористика // Актуальные проблемы современной фольклористики и изучения классического наследия русской литературы. Сборник научных статей памяти профессора Е. А. Костюхина / ред. А. Н. Власов [и др.]. СПб., 2009. С. 104—122.

Радченко 2006 — *Радченко Д. А.* Современный кинематографический анекдот в условиях сетевой коммуникации // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Т. 3. М., 2006. С. 307—317.

Рис 2005 — *Рис Н.* «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005.

Рукомойникова 2007 — *Рукомойникова В. П.* Интернет как среда существования фольклора // Folk-Art-Net: новые горизонты творчества. От традиции — к виртуальности. Сб. ст. / сост. А. С. Каргин, А. В. Костина. М., 2007. С. 54—62.

Шубкин, Иванова 2004 — *Шубкин В. Н., Иванова В. А.* Страх и тревога в современной России: опасности XX века и способность противостоять им // Страхи и тревоги россия. СПб., 2004. С. 139—169.

Blank 2007 — *Blank T. J.* Examining the Transmission of Urban Legends: Making the Case for Folklore Fieldwork on the Internet // Folklore Forum. 2007. Vol. 37. № 1. P. 15—26.

Bordia, Difonzo 2004 — *Bordia P., Difonzo N.* Problem Solving in Social Interactions on the Internet: Rumor as Social Cognition // Social Psychology Quarterly. Vol. 67. №. 1. (Mar., 2004). P. 33—49.

Bordia et al. 1999 — *Bordia P., Difonzo N., Chang A.* Rumor as Group Problem Solving. Development Patterns in Informal Computer-Mediated Groups // Small Group Research February. 1999. Vol. 30. №. 1. P. 8—28.

Bordia, Rosnow 1995 — *Bordia P., Rosnow R. L.* Rumor rest stops on the information highway: A naturalistic study of transmission patterns in a computer-mediated rumor chain // Human Communication Research. Vol. 25. Iss. 2. 1998. P. 163—179.

Cortazar Rodriguez 2004 — *Cortazar Rodriguez F. J.* Rumores y leyendas urbanas en Internet (Observatorio para la CiberSociedad) [Электронный ресурс]. 2004. Режим доступа: <http://www.cibersociedad.net/archivo/articulo.php?art=194>

Ellis 2002 — *Ellis B.* Making a Big Apple Crumble: The Role of Humor in Constructing a Global Response to Disaster // Of corpse. Death and humor in folklore and popular culture / Peter Narváez (ed.). Logan, 2003. P. 35—79.

Fernback 2003 — *Fernback J.* Legends on the Net: An Examination of Computer-Mediated Communication as a Locus of Oral Culture // New Media & Society. 2003. Vol. 5. № 1. P. 29—45.

Hine 2000 — *Hine C.* Virtual Ethnography. London, 2000.

Rosnow, Foster 2005 — *Rosnow R. L., Foster E. K.* Rumor and Gossip Research // APA Online. Vol. 19. № 4. April, 2005.

Rosnow 2001 — *Rosnow R. L.* Rumor and gossip in interpersonal interaction and beyond: A social exchange perspective // Behaving badly: Aversive behaviors in interpersonal relationships / R. M. Kowalski (ed.). Washington, 2001. P. 203—232.

Источники:

¹ <http://ahtung-2006.livejournal.com/136268.html> (Зап. 23.01.2009)

² http://community.livejournal.com/doktor_killer/417385.html (Зап. 26.01.2009)

³ <http://na-na4ka.livejournal.com/9552.html> (Зап. 8.12.2009)

⁴ <http://black-white-day.livejournal.com/8492.html> (Зап. 3.12.2009)

⁵ <http://www.forum.mista.ru/topic.php?id=447564&page=1> (Зап. 2.12.2009)

⁶ <http://black-white-day.livejournal.com/8492.html?thread=2860#t2860> (Зап. 5.12.2009)

⁷ <http://dizel-t.livejournal.com/315847>

⁸ <http://guruleva.livejournal.com/51725.html>

⁹ <http://gorod48.ru/kareeva/autor-1050.html>

¹⁰ <http://owk4rce.livejournal.com/39770.html>

¹¹ <http://demiart.ru/forum/journal.php?user=114760&comm=105796>

¹² <http://mblogi.qip.ru/msg/42942724>

¹³ cath-alexdotir.livejournal.com (Зап. 9.12.2009)

¹⁴ <http://www.forum.mista.ru/topic.php?id=447564&page=1>

¹⁵ <http://a-nikonov.livejournal.com/555835.html?thread=27520571>

¹⁶ <http://sizz.name/930-futbolka-ya-perezhil-dezinfekciyu-2-12-2009>

¹⁷ <http://neak-shadrin.livejournal.com/64387.html>

¹⁸ <http://looche.livejournal.com/4148.html>

Summary. In the article ways of interaction with the potentially traumatic information within the limits of network space are considered, specifically formation of rumours, their life-cycle and transmission. On the number of examples the correlation between the content of rumour and its development are shown, and the function of rumour in Internet communication and community-buildings are described.

Key words: Internet, netlore, hoax, rumour, communication, transmission.